

Имена

Первые секретари

Его часто видели в цехах завода, в бараках, в рабочих столовых. Люди знали: там, где побывал Бесо Ломинадзе, обязательно произойдут изменения к лучшему

Продолжение.
Начало в № 33,
№ 37, № 39, № 45

В январе 1934 года в Магнитогорске состоялась V городская партийная конференция, на которой секретарём горкома был избран Виссарион Ломинадзе.

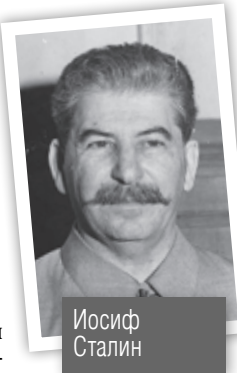
Коммунисты Магнитки были, мягко говоря, удивлены: ведь Ломинадзе в советской России считался государственным и партийным деятелем высшего ранга. Но с 1922 по 1932 год его карьера резко пошла под уклон. Если в 1922 году Ломинадзе – секретарь ЦК компартии Грузии, то спустя десять лет – всего лишь парторг машиностроительного завода в Москве. А дальше была Магнитка. Рядовым партийцем, конечно, были неизвестны истинные причины опалы Виссариона Виссарионовича. Сам Ломинадзе объяснял это непростыми отношениями с вождём: «Со стороны казалось, что я пользуюсь абсолютным доверием Сталина. И были основания так думать. На пост первого секретаря Закавказского крайкома я был рекомендован им. Во всех делах отчитывался перед ним. Много раз встречался, и никогда он меня не проработывал ни при людях, ни один на один. Доброжелательно встречал и провожал. И всё-таки каждый раз внутренний голос подсказывал, что в наших отношениях не всё гладко. Иногда он неприязненно оглядывал меня с ног до головы. И казалось, что ему не по душе мой рост. Бесо Ломинадзе, обыкновенный человек, а вымахал в два метра, а он, вождь, – низкорослый, тощенький. У Бесо густые

Виссарион Ломинадзе

волосы, чистое смуглое лицо, а уводящая – тонзура и оспины. Бесо Ломинадзе говорил по-русски лучше иного русского, а он, вождь русского и других народов, не может преодолеть сильного кавказского акцента. Чувствовал: он доверяет Бесо, но от и до. Любит, но опасается: как бы соратник не обернулся противником. И чутьё не обмануло меня. В тридцатом на пленуме ЦК, когда обсуждались внешнеполитические дела, я выступил с речью, которая не полностью совпала с позицией Сталина. Это ему очень и очень не понравилось. Меня вывели из ЦК, перевели в Москву парторгом моторостроительного завода.

Воспоминания о пребывании Ломинадзе в Магнитогорске написал Анатолий Игнатьевич Конаржевский, который в 1932 году руководил иностранным отделом Магнитогорского комбината, а затем был назначен начальником строительства второй плотины. Он вспоминал: «Назначение Ломинадзе магнитогорцами было встречено с большим удивлением. Я познакомился с ним во время его визита в ДИТР. Ломинадзе был высокого роста, плотный, с волевым лицом, копной чёрных волос и со взглядом несколько исподлобья, а в целом он почему-то напомнил льва. На меня он произвёл неизгладимое впечатление простотой

Иосиф Сталин

общения, отсутствием какого бы то ни было намёка на своё высокое положение. Ломинадзе было присуще всё человеческое, он не стыдился показывать свою увлечённость, отдавался полностью тому, что делал. Никогда не забуду, как на открытии в парке ледяной горки он собрал кучу ребятишек, усадил в санки, обхватив их, чтобы не вывалились,

и весело катался с ними вниз под общий смех детворы.

Запомнился и другой случай. Вечером 31 декабря 1933 года Ломинадзе приехал в ДИТР посмотреть программу встречи Нового года и заодно зашёл в бильярдную. Там в это время было человек восемь, ожидавших своей очереди. Игра шла навывлет. Играл секретарь парторганизации коксохима Пфандер, виртуозно владевший кием. Ломинадзе поздоровался и спросил, кто последний. Ему с удовольствием уступили очередь. Ломинадзе предстояло играть с Пфандером, который, зная самолюбивый характер секретаря горкома, решил подзадротить его и заявил:

– Товарищ Ломинадзе, мне не интересно играть с вами. Вы ведь не очень хороший игрок, давайте для остроты дам вам фору два шара.

– Ты хвастунишка, Пфандер! Постараюсь проучить тебя, будем играть со всеми шарами, никаких фор.

– Хорошо, – ответил Пфандер, – тогда давайте играть на интерес, кто проиграет, тот лезет под стол на другую сторону. Согласны?

Ломинадзе при большом оживлении присутствующих согласился на это условие. Конечно, он проиграл. Все ожидали, что же будет дальше.

– Товарищ Ломинадзе, – смеясь, обратился к нему Пфандер, – слово надо держать!

– Слово есть слово, – ответил, смеясь, Виссарион Виссарионович.

И вот этот семипудовый дядя, как его иногда называл Н.И. Бухарин, под обидой дружелюбный смех полез под стол. От этого его авторитет несколько не пострадал.

К слову, судьба Фёдора Яковлевича Пфандера вместила и репрессии, и высокие звания за работу. В 1942 году Пфандер, как лицо немецкой национальности, был мобилизован в трудовую. Но до

Ломинадзе (крайний справа) во время визита Орджоникидзе в Магнитогорск, 1933 год

этого он успел окончить в Свердловске Урало-Казахстанскую промышленную академию – филиал Московской промакадемии, куда был направлен из Магнитогорска в 1935 году. После демобилизации

из трудовой Фёдор Яковлевич работал в различных монтажных организациях, пройдя путь от старшего инженера до начальника монтажного управления «Югпромонтаж» в городе Навои. За свою трудовую деятельность Пфандер награждён тремя орденами и званием «Заслуженный строитель Узбекистана».

Ломинадзе можно было видеть запросто беседующим не только с сударниками, но и с рабочими отстающих бригад, присутствующим на собраниях в цехах завода, посещающим бараки, рабочие столовые. И все знали: там, где побывал Ломинадзе, обязательно произойдут изменения к лучшему. Это был руководитель, не ограничивающий свою деятельность кабинетом, а живший интересами людей.

Приём посетителя у него не был регламентирован: к нему шли в любое время. Он умел разговаривать с рабочими, умел слушать, не использовал свой авторитет для давления, а откровенностью и искренностью располагал к беседе.

Не всем в Магнитогорске нравился Ломинадзе с его энергией и принципиальностью. На секретаря горкома партии стали поступать доносы. Вызов в ЦК и беседа со Сталиным и Орджоникидзе, казалось бы, грозы не предвещали. Но после беседы в Кремле Ломинадзе навещил своих старых друзей, в том числе Льва Каменева. Сталин был возмущён этим. О реакции вождя

Ломинадзе узнал уже в Магнитке и понял: это конец.

О том, как застрелился Виссарион Ломинадзе, ходило много слухов. Верно одно: это случилось в машине по дороге в Челябинск 18 января 1935 года. Но умер он дома. Когда его внесли в комнату, он был в полном сознании и даже шутил: «Какой женский выстрел!» Произошло то, что случается раз в сто лет. Человеческое сердце сжимается и разжимается, в момент выстрела оно сжалось, и пуля прошла навывлет.

Ночью по прямому проводу звонил Орджоникидзе и категорически запретил подпускать кого-либо к раненому – обещал прислать опытных врачей. Но к утру в разговор вмешался глава НКВД Ягода и стал настаивать на операции. Утром Ломинадзе своими ногами вошёл в операционную. После наркоза он уже не проснулся. Ему было 38 лет.

Авраамий Завенягин дал указание похоронить Ломинадзе со всеми скромными для того времени почестями. И за гробом, установленным на грузовой полуторке, прошли все работники горкома партии и комсомола. Позднее им припомнят это в подвалах НКВД. Ломинадзе похоронили на общем кладбище. Памятник поставили железный, который за одну ночь изготовили в прокатном цехе. Там же сварили и ограду. Только недолго могила была могилой. Ночью по чьему-то указанию сломали ограду, памятник погрузили на машину и увезли. Могила сравняли с землей, засыпали снегом.

Так навсегда остался в Магнитке секретарь горкома партии в 1934–35 годах Виссарион Виссарионович Ломинадзе.

Продолжение следует...

Ирина Андреева, краевед

Приметы времени

Хроника жизни Магнитки 30-х годов

Пресса тех лет с удовлетворением отмечала, что с каждым годом благосостояние трудящихся всё больше и больше улучшается.

Цены товаров первой необходимости

Вызывают интерес цены, установленные центральным рабочим кооперативом в 1931 году: мука ржаная и пшеничная – до 11,5 копейки за килограмм, хлеб пшеничный – 14–18 копеек, гречка – 20, рис – 40, мясо говяжье – 76, колбаса чайная – 1 рубль 10 копеек, сахар песок – 63 копейки. Пальто демисезонное мужское стоило 35 рублей, брюки – 8 рублей 70 копеек, ботинки мужские – 10 рублей 40 копеек, женские чулки – 1 рубль 5 копеек, носки мужские – 1 рубль 32 копейки. Из предметов первой необходимости назывались: мыло

– 27 копеек, спички (10 коробков) – 15 копеек и керосин – 17,5 копейки за литр.

По данным советской статистики, среднее потребление хлеба и круп составляло немного больше 260 килограмм в год.

Что было в магазинах

В городе не чувствовалось какого-либо дефицита товаров и продовольствия: стройки первых пятилеток получали их в достаточном количестве, не хватало лишь определенной покупательской способности.

В 1937 году кондитерская фабрика столовых Магнитки, к примеру, вырабатывала 66 сортов булочных и кондитерских изделий, в том числе – тульские и вяземские пряники, а также товары детского ассортимента – «петушки», «рыбки», фигурные леденцы. Фабрика мороженого ежедневно выпускала 1500 кило-

грамм продукции: 750 килограмм развесного и 750 – эскимо.

Мастерские индивидуального пошива в 1936 году изготовили 5200 пар кожаной обуви на 117 тысяч рублей. Через год план выпуска обуви увеличился до 15 тысяч. Сапожные мастерские города тоже не оставались без работы: реставрировали 350 тысяч пар обуви.

Пользовались спросом и ювелирные изделия – брошки, браслеты, серебряные и золотые кольца, золотые часы, столовые наборы из нержавеющей стали.

«Завтра будем жить лучше...»

Интересны сведения о доходах рабочих-стахановцев на комбинате: оператор блюминга получал 1490 рублей в месяц, оператор – 1653, мастер доменного цеха – 1794, сталевар – 789, машинист экскаватора – 900.

Газета «Магнитстрой» познакомила читателей с бюджетом

электросварщика-стахановца Субача: «Товарищ Субач в июне 1937 года заработал 730 рублей, в июле – 728, в августе – 720, а в сентябре – 760. Его семья из четырёх человек живёт прекрасно, тратит 300 рублей в месяц на питание. Молоко и мясо – ежедневно на столе. Каждый месяц семья приобретает одежду и обувь. Дочери обеспечены всей тёплой одеждой. Глава семьи шесть раз ходит в кино, выписывает газеты и покупает технические книги. Кроме этого, семья т. Субача ежемесячно кладёт по сто рублей на сберегательную книжку».

Газеты с удовольствием отмечали: «Это обыкновенная рядовая семья, каких на Магнитке сотни».

В архиве я обнаружил и сведения о бюджете рядового рабочего, монтера железнодорожного транспорта Белоусова, чей заработок в мае 1935 года составлял 155 рублей. Его семья состояла из двух человек, работает он один. Услугами общественного питания он

пользуется редко и мало: берёт домой только первые блюда и хлеб – 20 рублей в месяц. Покупает на базаре ведро картофеля – 20 рублей, масло сливочное и растительное – 16 рублей, мука из магазина – 30 рублей, пшено – 13 рублей 75 копеек, печеный хлеб – 16 рублей 50 копеек, сахар – 2 рубля, табак и папиросы – 10 рублей, мыло – 3 рубля.

Квартирная плата составляла 12 рублей. Его ежемесячные расходы, включая содержание инвалида-жены, составили 148 рублей 35 копеек. В его бюджете еще оставалось семь рублей, которые он мог использовать на иные цели. О таких семьях говорили в народе: еле сводят концы с концами. Таких семей на Магнитке насчитывалось десятки тысяч.

Гигантские стройки, развернувшиеся перед войной, требовали миллионы рабочих рук и энтузиазма. Цена, которую приходилось платить, – и в нормах потребления стахановцев, и всех рабочих сталинских Магниток, вовлеченных в невиданный исторический процесс.

Валерий Ефимов, краевед